

КАК УСТРОЕНА
РОССИЯ?
ПОРТРЕТ
КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА

ВЛАДИМИР
КАГАНСКИЙ

Владимир Каганский

Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5981188

Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта: Стрелка пресс; Москва; 2013

ISBN 978-5-906264-09-1

Аннотация

Мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей, – не склад, свалка или смесь отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань. Кажущиеся отдельными объекты – связанные узелки на этой ткани, имеющей целостный смысл и сложный, регулярный рисунок со сквозными закономерностями. Теоретическая география описывает эту ткань с помощью концепции «культурного ландшафта».

Теоретическая география позволяет создать портрет любого национального культурного ландшафта, как и ландшафта любого достаточно богатого содержанием места. Здесь речь пойдет о российской модели. В первой части я представлю российский культурный ландшафт в виде концептуальной схемы, прибегая к сильной идеализации, что позволяет описать всю нашу страну и в целом, и каждую ее часть в отдельности. Но как всякая модель, она описывает их с разной полнотой и мерой условности для разных мест; упрощения совершенно неизбежны. Во второй части описаны и проблематизированы взаимодействия людей с ландшафтом.

Содержание

1. Культурный ландшафт России	5
Нерушимое единство страны и государства	6
Статусы породили места	7
Компас показывает на центр	8
Тотально разгороженное пространство	9
Автомодельная симметрия ландшафта	11
Универсальная империя	12
«Странности» нашего ландшафта	13
2. Постсоветская культура. Вид из ландшафта	14
Ценностная поляризация	15
Атомизированный ландшафт	17
Агорафобия в самой большой стране мира	19
Непроницаемая страна непознаваема	21
Постсоветская культура: небытие общества и культурного ландшафта	23
Какова жизнь страны в существующем общественном дискурсе?	25
Что же делать?	27
Об авторе	28
О «Стрелке»	29

Владимир Каганский

Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта

Мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей, – не склад, свалка или смесь отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань. Кажущиеся отдельными объекты – связанные узелки на этой ткани, имеющей целостный смысл и сложный, регулярный рисунок со сквозными закономерностями. Теоретическая география описывает эту ткань с помощью концепции «культурного ландшафта».

Культурный ландшафт отличается от привычного нам природного ландшафта тем, что природные и культурные компоненты в нем равноправны и взаимосвязаны. В моем понимании «культура» и «ландшафт» не противостоят друг другу и не смешиваются в пространстве механически, а, следовательно, учение о культурном ландшафте не является простой суммой знаний о природном ландшафте и культурных объектах в нем. Культурный ландшафт – это единство пространственных тел, форм, функций и смыслов. Причем в отличие от большинства иных подходов культурные компоненты в рамках концепции «культурного ландшафта» трактуются широко, почти как синоним всей человеческой деятельности. Таким образом, из культурного ландшафта априори не исключается ничего – как классики географии не исключали из содержания этой науки никаких явлений поверхности Земли.

Теоретическая география позволяет создать портрет любого национального культурного ландшафта, как и ландшафта любого достаточно богатого содержанием места. Здесь речь пойдет о российской модели. В первой части я представлю российский культурный ландшафт в виде концептуальной схемы, прибегая к сильной идеализации, что позволяет описать всю нашу страну и в целом, и каждую ее часть в отдельности. Но как всякая модель, она описывает их с разной полнотой и мерой условности для разных мест; упрощения совершенно неизбежны. Во второй части описаны и проблематизированы взаимодействия людей с ландшафтом.

1. Культурный ландшафт России

Как известно всем со школьной скамьи, Россия – страна на севере Евразии, между заливами Атлантического океана, Тихим океаном и Северным Ледовитым океаном; с севера на юг в России последовательно сменяются зоны тундр, тайги, лиственных лесов, лесостепей, степей. Система природных зон, открытая российскими учеными более века назад, – отчетливые разноцветные полосы на карте, отражающие различия климата, растительности, почв, сельского хозяйства и сельской местности. Красивое закономерное разнообразие природного ландшафта – фон, основа, естественная оправа для природных и культурных шедевров-драгоценностей; ими наша страна неповторима и уникальна. Нашей стране есть, что продемонстрировать себе и миру: природные объекты планетарного значения (озеро Байкал, вулканический микроконтинент Камчатка, природные заповедники с редчайшими животными вроде уссурийского леопарда), города-музеи, монастыри-музеи, действующие монастыри и действующие музеи, археологические заповедники. В России есть все, чему положено быть в большой стране с долгой историей.

Такое пространство породило специфический расхожий образ, более того – оно само по себе стало ее образом, символом, брендом. Я же хочу показать, что специфика культурного ландшафта России не исчерпывается набором «Байкал – Москва – Санкт-Петербург – Соловки – Суздаль» на фоне необозримых тундр, лесов и степей. Подлинная специфика страны

– повторяющиеся, типовые, типичные формы, соразмерные обычной жизни, структурирующие повседневную среду. Наш ландшафт специфичен не редкими узелками ткани, не украшениями-раритетами – наша страна уникальна самой тканью жизненной среды. Такой ткани нигде больше в современном мире нет, а аналогичные украшения есть. Читателю предстоит вытерпеть объяснение того, как устроен тот мир, где он живет и который кажется ему хорошо понятным.

Нерушимое единство страны и государства

С онтологической точки зрения в России ландшафт и государство – разные имена или разные интерпретации одной сущности. Тем самым государство – одновременно внешняя рамка и внутренний каркас ландшафта, жестко регламентирующие обыденную жизнь. Все, что существует и видимо в ландшафте, имеет государственный статус. Наш ландшафт отлит по формам государства, т. е. в России не существует внегосударственного или негосударственного пространства; только сейчас эта склейка рвется и размывается. Российское пространство дано лишь в государственной оптике, которую трудно осознать и еще труднее преодолеть; ее можно только принять или игнорировать.

Не столь уж важно, когда эта модель возобладала. И не слишком интересны тривиальные или фантастические объяснения поразительного огосударствления культурного ландшафта через географический детерминизм: тут и долгая зима, и бескрайние просторы, и северность, и враждебное окружение, и исключительное положение между Востоком и Западом, и тяга к «естественным» границам. Важнее осознать следующее: тысячелетнее государство уже вжилось в ландшафт и будет долго структурировать и засорять его своими формами и своими обломками. Так, СССР как структура культурного ландшафта, как проблемный регион, как генератор пространственных отношений просуществует намного дольше «государства СССР».

Статусы породили места

В нашем культурном ландшафте все места порождены своими статусами. Каждому месту предписано государством быть чем-то или изображать что-то, обычно и то и другое вместе. Сегодня старинные провинциальные города привлекают нас кажущейся спонтанностью своего развития, хотя более или менее известно, что в екатерининские времена все города были подвергнуты регулярной планировке. Что менее известно широкой публике: подавляющее большинство российских городов не сложились естественно, а были учреждены указом – как укрепления в оборонительных линиях, которыми быстро прирастала территория государства, или как центры единиц административного деления (уездов, губерний, областей, краев и т. д.). Сотни мест в России назначались городами – уездными центрами, и, наверное, частично и были ими, хотя потом могли быть разжалованы в заштатные. Город мог быть даже разжалован из города в село! А в СССР, бывало, разжаловали и расформировывали целые республики-страны. В советское время уже возобладали не типовые, а стандартные проекты для всей страны. Поскольку страна срослась с государством, то и менялась она вместе с государством. Даже физическая география «полей, лесов и рек» постоянно перекраивалась; не раз за последнее тысячелетие середина России то почти вся распахивалась, то вновь зарастала лесами, то все леса вырубались...

Рамочный проект – самое большое сконструированное, глобальное искусственное сооружение. Бывший СССР – тотальная попытка превратить ландшафт в пространственную конструкцию. Результаты известны. Крах планетарной империи СССР редко связывается с пророчествами П.Я. Чаадаева касательно урока, который Россия должна дать... – может быть, урок-то уже дан...

Назначения в нашем ландшафте – именно в этом специфика – получали не отдельные исключительные места, а все места, ландшафт сплошь и целиком. Города и регионы, реки и озера, типы и имена мест – все это определенные государственные статусы, а вовсе не объекты, частный аспект бытия которых – еще и государственный статус. Вначале-де были, возникли, стали, а уж затем получили статус – вовсе нет! Существование этих объектов дано в онтологии (реальности) государства. Государство не просто использует существующие места, а само создает и проектирует статусы и уже потом осуществляет и овеществляет их и в ландшафте. Поскольку мест много, а статусов мало, то возникают типовые, стандартные статусы, которые формируют реальность, а на деле ее деформируют.

Но как же тут была возможна жизнь, спросите вы, ведь была же она... Жизнь уцелела в щелях и зазорах, неизбежных при заполнении пространства стандартными формами-проектами, оестествляла государственные формы, использовала неплотные стыки и взаимные наложения и противоречия ячеек. Культурный ландшафт, как и просто осмысленная жизнь, ютился в щелях государственного пространства.

Компас показывает на центр

Компас нужен для того, чтобы ориентироваться на местности, его стрелка в нашем северном полушарии всегда показывает на север. Ось «север – юг» – главная, вдоль нее распределяется тепло, согласно месту на этой оси живет природа и сельское хозяйство. В этом направлении идут силовые линии магнитного поля и меридианы – линии, условные на местности и буквально реальные (нарисованные) на географической карте.

В нашем ландшафте жизнь определяют социальные меридианы, силовые линии социального тяготения. Согласно им распределяется тепло общественных благ, живут населенные пункты, а природе дается возможность выжить. Социальный компас в любой точке российского (всего советского) пространства показывает в одну сторону – в центр. Это пространство одного направления: «центр – периферия», оно – главное, универсальное для всех мест. Все остальные направления второстепенны. От центра к периферии спадает освоенность, распаханность, заселенность; вдали от больших городов коровы доятся хуже, а женщины менее красивы. Направление «центр – периферия» – главное направление дифференциации, изменения всего культурного ландшафта, максимальных социальных и культурных градиентов.

Это и главное направление движения; по нему идут тропинки и тропы, дороги и шоссе, потоки транспорта, людей и сообщений, путники и автомобили, директивы и деньги, моды, льготы и трансферты регионам. До сих пор половина пассажиров страны пересаживается в Москве. По направлению «центр – периферия» шла и до сих пор идет сортировка всего ценного – ненужное и неценное отбрасывается на периферию. При такой структуре культурного ландшафта расстояние до/от центра, т. е. количественная характеристика, неизбежно становится качественной, превращается в главный дифференцирующий признак места.

Отсутствие полноценных горизонтальных связей между местами – естественное следствие абсолютной централизации и моноцентричности: все места связаны друг с другом исключительно через единственный центр, т. е. территориальное соседство не находит выражения в линиях коммуникации. Поскольку каждая ячейка культурного ландшафта России моноцентрична, чрезвычайно гипертрофированы высокая роль и размер центров. Эквивалент в социальном фазовом пространстве – особая роль и размер бюрократии.

Организация пространства по линиям «центр – периферия», наиболее экономная, минимизирующая общую протяженность транспортной сети, привела к тотальной бессвязности ландшафта на всех уровнях и во всех аспектах – от физики перевозок до метафизики мышления ландшафта, от невозможности ездить во всех направлениях до невозможности мысленно охватывать свой жизненный мир во всех направлениях и горизонтах. Наверное, семантически наша страна даже более фрагментирована, чем физически и транспортно.

Между административными регионами разных рангов нет никаких формальных препонов для сообщения и связей, но и нет в них никакой нужды, отчего не развиты прямые горизонтальные связи и нет соответствующих им дорог. Так что люди по обе стороны административной границы (например, областей), разделенные всего лишь 10–20 километрами, иногда просто ничего не знают о своих соседях за этой границей, к ним никто не ходит, но о них ходят слухи и анекдотические рассказы. Согласитесь, что несвязанные соседи – соседи неполноценные.

Тотально разгороженное пространство

Вообще в полноценном культурном ландшафте выделяются четыре главные зоны – центр, провинция, периферия и граница; они должны быть сбалансированы. Центр – ядро, репрезентирующее и организующее систему как целое, источник норм, гарант единства системы; сложный искусственный ландшафт. Провинция – относительно самодостаточная, стабильная базовая зона культурного ландшафта, зона здоровой обыденной жизни, баланса телесности и семиотичности, искусственности и естественности. Места решают собственные задачи на основе соседских горизонтальных связей. Ресурсы, в том числе природные, воспроизводятся. Здесь преобладает местное (укорененное в конкретном месте) население, есть традиция самопознания и самоописания. Периферия – несамостоятельное зависимое фрагментированное пространство. Внешние центры решают в ее пространстве свои задачи, не принимая во внимание интересы, особенности местного ландшафта и населения, ресурсы используются по колониальному типу. Периферия себя не мыслит и не описывает. И наконец, граница – пограничная окраина системы и зона-посредник в связях с внешним миром.

Тотальная централизация российского ландшафта привела к его тотальной периферизации, сокращению такой существенной для полноценности культурного ландшафта зоны, как провинция, и гипертрофии значимости не только центра, но и границ.

Пространство российского культурного ландшафта чрезвычайно дискретно, и эта дискретность вещественна. Отдельные районы, ячейки и части пространства разделены отнюдь не только статусно, но и физически – изгородями, заборами, барьерами, запретными и пограничными зонами, широкими полосами безлюдья и бездорожья, непроходимыми даже для военных вездеходов. Общая протяженность внутренних границ куда больше внешних (я оцениваю их длину в бывшем СССР в миллион километров), и они куда сильнее изолируют места друг от друга.

Доминантой развития культурного ландшафта России многие века был прирост территории, постоянное раздвижение внешних рубежей. В иные времена каждое новое поколение жило в территориально иной стране: новая столица, новая резиденция или новая граница, только что присоединили (чаще) или потеряли (реже) крупный край. Почти все территории побывали приграничными в том или ином смысле – как покоряемая заграница или возвращаемая родина, как осваиваемая «пустая» земля, как удерживаемые внутренние рубежи, как обустраиваемая или охраняемая государственная граница. Можно сказать, границы прокатились по всему пространству России. Вследствие такой подвижности в физическом и статусном пространстве России они играли формирующую роль в устройстве культурного ландшафта, породили особые зоны с особым образом жизни. И смена систем административных ячеек, и их застойность, когда все стягивалось к центру, превратила почти все пространство во внутреннее приграничье.

В нашем культурном ландшафте явно доминирует периферия – и абсолютно, и относительно. «Советизация» ландшафта, в частности, и состояла в том, что места жизни превращались в ячейки для решения задач. Более того, осмелюсь утверждать, что у нас сформировался и главенствует особый вид периферийного пространства – приграничная периферия. Поэтому самое важное из происходящего сегодня в постсоветском культурном ландшафте – попытки периферий разных масштабов (люди, группы, города, регионы) преодолеть этот статус и развиваться в сторону «провинции».

Однако если в полноценном культурном ландшафте какое-либо место, потеряв свою исконную функцию, ищет и находит для себя какую-то другую (например, заброшенные сельскохозяйственные и промышленные территории приобретают экологические и рекреационные функции), в российском культурном ландшафте утрата хозяйственной функции

ведет обычно к деградации расселения, одичанию ландшафта. Поскольку это происходит, как правило, с территориями внутри страны, образуются своеобразные зоны внутренней периферии – огромной и растущей, но почти не известной зоны.

Автомодельная симметрия ландшафта

Культурный ландшафт России структурирован не природными или культурными районами, а районами административными. На огромное, разнородное природно и культурно пространство была наброшена единая сеть с ячейками нескольких типов, различающихся лишь статусно-количественно (в соответствии с уровнями административно-территориального деления). Постепенно все территориальные единицы превратились в универсальные узловое районы, жестко привязанные к его центру. Любая часть ландшафта воспроизводит целое, можно сказать, что это воплощение автомодельной симметрии в пространстве, симметрии «часть – целое».

В советское время всякая республика была малым СССР, всякая область – малой республикой, всякий район – малой областью и т. д. Скрепляли ячейки компартия и военно-промышленный комплекс, обеспечивавший хоть какую-то связность пространства. Это была жесткая, четкая, по-своему эффективная система – пространственный конструктор, идеально обеспечивающий функцию контроля.

Обобщенная картина ячейки нашего пространства такова. Центр – один-единственный и главный во всех существенных отношениях: самый населенный, самый промышленный, самый главный транспортный узел, самый культурный, торговый, криминальный, развлекательный, в нем представлены все профессии и конфессии. Этот центр часто замещает функционально и ментально возглавляемый им регион и в определенном смысле и является регионом: расхожие выражения «поеду в область», «поеду в район» означают поездку в центр области или района. Следующие по размеру центры много меньше, но так же универсальны. Поразительно, но самые значительные и значимые различия в нашем ландшафте – не между районами, а между центрами и их перифериями.

Прилегающая к центрам территория наиболее освоена, и в ней сохранились еще живые села (умирающие на периферии). Но вот парадокс: самые старые и естественные леса (не рубленные несколько столетий) сохранились вблизи столиц; раньше они служили охотничьими угодьями феодалов, а сейчас нередко маскируют военные объекты. Но основные массивы природных угодий имели шанс сохраниться прежде всего на дальней периферии административных регионов, вдоль границ и особенно на их стыках – медведи действительно нередко живут в медвежьих углах.

Поскольку ячейка моноцентрична, жизнь в ней устроена исключительно в соответствии с одной-единственной иерархией. Даже медицина – казалось бы, самый человечный элемент системы – абсурдно иерархична: чем серьезнее болезнь, тем на более высоком уровне оказывается помощь.

Интересно, что если единственность иерархии невозможна в силу природных причин, действует посыл физически и семантически это исправить. Например, Москва действительно стала одним из крупнейших портов СССР, а пресловутое «Золотое кольцо» было искусственно создано по принципу доступности туристским автобусам из Москвы. Чтобы прочувствовать парадоксальность конструкции, перенесем эту схему на чужую почву: столицей США становится Нью-Йорк, туда переносят Голливуд, Массачусетский технологический институт и все знаменитые университеты Лиги плюща, переносят заводы из Питтсбурга, а также Кремниевую долину и по возможности Ниагарский водопад; заодно исторические источники сообщают теперь, что первые корабли переселенцев причалили как раз к Манхэттену.

Универсальная империя

Примечательно, что такое, в сущности враждебное человеку и жизни, устройство культурного ландшафта оказалось удивительно стойким и не спешит трансформироваться. После распада СССР регионы всех уровней не слишком озаботились установлением связей друг с другом по принципу соседства. Больше всего внимания уделялось и уделяется росту и укреплению своих центров и связей по линии «центр – периферия» как в масштабе региона, так и в масштабе страны. Модель устройства культурного ландшафта по лекалу СССР неизменно воспроизводится.

Нынешний российский ландшафт унаследовал свои главные особенности от советского пространства, а оно, в свою очередь, утратило многие черты пространства Российской империи. Таким образом, мы по-прежнему живем в имперском культурном ландшафте.

Известно, что контролирующие большое пространство империи могут очень по-разному взаимодействовать с подконтрольным пространством, хотя спектр различий ограничен самой сущностью империи – внешнего силового удержания большого природно и культурно разнообразного пространства. Специфика культурного ландшафта России состоит в том, что империя как конститутивный принцип достигает в нем своего максимума, если не предела. Наше пространство – имперское на каждом уровне, в каждом аспекте, в каждой ячейке. Только такой тип устройства культурного ландшафта позволил структурировать и временно удерживать территорию таких размеров, не взирая на ее природное и культурное разнообразие.

Резюмируем главное. Пространство страны насквозь пронизано государством, структурировано государством и отдельно не существует. Культурный ландшафт России на всех уровнях – система отчетливых ячеек; основная жизнь в них сосредоточена в центрах и замирает на окраинах. Эти ячейки плохо связаны меж собою – почти все идет и едет через центр – и разделены границами и барьерами безлюдья и бездорожья. Все в нашем пространстве смотрит на центр, как стрелка компаса на север. Ландшафту, который сконструирован и сжат центрами и границами, недостает средней зоны, среды обыденности – провинции в лучшем смысле. Провинция дефицитна, периферия избыточна, роль границ чрезмерна и деструктивна. Наш культурный ландшафт – в сущности ландшафт природно-имперский.

«Странности» нашего ландшафта

Страна физически огромных пространств занята семантически очень малыми и очень сходными ячейками. Соединение малых пространств воедино, в большее целое дает действительно большое пространство только при условии разнообразия составляющих – множество малых, но однотипных пространств образует пространство, наверное, территориально протяженное, но небольшое. Таким образом, неизбежен парадоксальный вывод, что Россия как страна – маленькая.

Пространство России, которая занимает такой большой сочный кусок на карте, создает иллюзию не только величины, но и сплошности. Тем не менее наш культурный ландшафт представляет собой не сплошной массив, а как бы рыбацкую сеть: заселенные и культурно освоенные территории соотносятся с ненаселенными как нити с ячейками. Россия – придорожная страна, в зоне слышимости «паровозного гудка» живет 95 % населения страны, в зоне слышимости автомобильного сигнала – 99 %. Населением внедорожной полосы статистически можно пренебречь. К тому же эта рыбацкая сеть неправильной формы, ведь % страны – Сибирь и север – практически незаселено. И по законам автомодельной симметрии такая конфигурация характерна для любой территории, даже Подмосковья, где часами можно бродить, не встречая людей. Впрочем, чтобы понять это, надо сойти с дороги...

Этим парадоксальность нашего ландшафта не исчерпывается, о чем и пойдет речь ниже.

2. Постсоветская культура. Вид из ландшафта

Культурный ландшафт, помимо самостоятельной сущности и ценности, представляет собой особое поле, экран, проекцию, где отчетливо наблюдаемы социокультурные субъекты и процессы. Всмотриваясь в культурный ландшафт, мы можем довольно многое узнать об иных сущностях, как традиционно с ландшафтом связанных, так и не связанных с ним вовсе.

У такого взгляда есть – кроме понятных ограничений – и большое преимущество перед прямыми социокультурными исследованиями, а именно независимость. Чтение общества по ландшафту – даже не общества в целом, а социальных групп разной степени аморфности – позволяет не впадать в зависимость от их субъективных представлений о своей жизни.

Итак, что же видно глядя из ландшафта?

Ценностная поляризация

Прежде всего, мы видим ценностную поляризацию всего ландшафта, причем здесь исключаются из рассмотрения собственно сакральные и конфессиональные структуры и места. Ошибочно было бы понимать в данном случае «полюс» как производное от географического или физического термина. Здесь «полюс» скорее абстракция, метафора.

На одном полюсе – места, чрезвычайно (вплоть до сакрализации) ценностно нагруженные. За ними признается особая эстетика, специфичная, присущая лишь данному месту – ценность, красота и как следствие – демонстративная чистота, отчасти символическая и часто нефункциональная. Поведение в таких местах жестко и демонстративно нормировано, но не прагматично. На противоположном полюсе – места, вообще лишенные ценности: здесь отсутствует законосообразность, взаимная пригнанность деталей, эстетика (как ее ни понимать); и как следствие – они тонут в беспорядке и мусоре.

Первый полюс, естественно, значительно меньше, он имеет парадный вид и демонстративные функции (это алтарь сакрализованной обыденности); он и существует для того, чтобы демонстрироваться и переживаться как демонстрируемый. Вторым полюсом – это просто обыденная жизнь. Самое интересное и примечательное: эти два полюса могут непосредственно соседствовать в ландшафте, их могут разделять сантиметры.

Этот феномен наблюдается на всех уровнях пространственной организации, но, к счастью, не касается уже страны в целом, как было в СССР, когда и фактически, и символически первый полюс заполнялся только Москвой.

Парадная и часто нежилая комната в крохотной квартирке. Напичканная современной бытовой техникой квартира с евроремонтom в разваливающейся и просто грязной «хрущобе».

Дорогие коттеджные поселки в окружении ветхих деревенских домов и обширных помоек, «элитные» жилые кварталы в среди городских трущоб и опять же помоек.

Точечная застройка банковскими и другими коммерческими зданиями, «гламурность» которых ограничивается десятью метрами вокруг здания, то же часто касается реставрации или строительства новых православных храмов.

Отреставрированные и вылизанные центры региональных столиц на фоне крайней запущенности остальной городской территории, и в особенности, запущенной периферии региона [яркий пример – центр Перми в сравнении с Чердынским районом Пермской области].

Горки и горы мусора в красивейших природных местах – от «пикничных» полей в пригородных лесах средней полосы России до побережья Байкала.

Почти полное отсутствие стилевой, художественной, функциональной и какой-либо иной согласованности между новыми или подновляемыми соседними местами (некоторые исключения, как известно, лишь подтверждают правило]. Примеры из обеих столиц уже навязли в зубах, но то же самое вы увидите и в частной застройке малых и средних городов или постепенно обновляющихся деревень – какофония ориентации, размера, стиля, цветовых решений и т. д. и т. д. Если вы житель большого города, пройдите по главным улицам – много ли вы уловите гармонической совместности, художественной дополненности, просто элементарной сочетаемости по форме, цвету и стилю вывесок?

Почти всеобъемлющая пространственная невменяемость: даже те индивидуумы и группы, которые страдают от этих диссонансов, как правило, не видят и не осознают причинно-следственной связи между тем, как они – именно они – живут и действуют в ландшафте, и его конечным состоянием. Одни и те же люди будут сочувственно покачивать головой, читая статью какого-нибудь экологически озабоченного гражданина о заболачивании и

замусоривании пригородных зон вследствие неумеренного дачного строительства, и... строить дачу.

В этих наблюдениях не было бы никакой новизны (феномен «красного угла» известен очень давно], если бы не некоторые существенные особенности. Во-первых, потрясающая универсальность, воспроизводимость этой поляризованной модели на всем постсоветском российском пространстве. Во-вторых, резкость перепадов: не существует промежуточной, переходной зоны – некоей приличной повседневности. Говоря точнее, вне помещений она не наблюдается за редчайшими исключениями.

И, наконец, в-третьих, самое интересное: внепространственность повседневной жизни, т. е. несоотнесенность ее с окружающим пространством. Просто бросается в глаза, что подавляющая часть населения второго полюса – сплошь замусоренной, грязной, местами просто зловонной местности (экономика в России часто буквально дурно пахнет] – выглядит вымытым, благоухает дезодорантами и туалетной водой, чисто и опрятно одета, а во многих случаях одета дорого, модно и стильно. Иначе говоря, обитатели некоей среды стилистически радикально от нее отличаются и совершенно очевидно не желают вступать с ней в контакт.

Атомизированный ландшафт

Все эти контрасты и парадоксы столь многочисленны и резки, что всякий раз поражают вновь, стоит выйти на улицу городскую или деревенскую – Москва не исключение, – и к ним всякий раз приходится привыкать заново. Феномен столь повсеместный и повседневный, что не может не значить ничего или иметь бытовое объяснение в стиле «каждый старается, как может».

На ум приходит поистине спасительный, чисто логический ход. Очевидно, что для жителей их среда обитания не является вообще чем-то значимым. Значит, есть существенный компонент ландшафта, имеющий нулевую ценность для жителей и даже как бы и не существующий, хотя он совершенно точно является результатом их собственной деятельности. Жители каким-то очень сложным способом вырезают из сплошной среды фрагменты для нормальной жизни.

Так устроенное и, что не менее важно, так проживаемое пространство полноценным культурным ландшафтом быть не может. Однако, по-видимому, в нем возможны сложные жизненные стратегии – монтаж фрагментов полноценных мест и поведения, позволяющий достойно жить в ландшафте. И если мы принимаем, что полноценная жизнь требует как атрибута своей реализации полноценного ландшафта, то неизбежно возникает вопрос о том, чем же именно является массовая среда обитания, и еще более радикальный вопрос о том, каким именно видом бытия является наблюдаемое из ландшафта существование жителей.

В России написаны километры страниц о таких добродетелях ее населения, как естественный коллективизм, вековое тяготение к совместным, общим, соборным действиям, в частности совместному труду, к потребности в единой норме и общем социально-этическом и эстетическом идеале и т. д. и т. д. Однако любая тысяча километров, пройденная по обитаемому ландшафту страны (лучше, конечно, в разных местах), по ее городам, селам и между ними, сразу же позволяет увидеть: степень согласованности, координации действий жителей в тех случаях, когда эти действия не регламентированы властями и не являются условием физического выживания, поразительно мала. Это тем более удивительно, что в большинстве случаев приведение среды своего обитания в достойный вид вполне в силах самих жителей и лишь довольно редко требует каких-то внешних ресурсов, – но требует прежде всего согласования и консолидации усилий.

Более того, диссонанс достигает максимума именно там, где возможные ресурсы координации и взаимной упорядоченности максимальны: деньги, иные ресурсы, наемные профессионалы, наконец, чувство социальной общности. При отсутствии какого-либо принуждения в таком важнейшем лично и социально деле, как строительство и обустройство собственного жилья вместе с подворьем (судьба и репутация семьи на поколения вперед), особенно поражает отсутствие гармонии или хотя бы совместимости разных владений. Новые отдельности активно мешают друг другу и портят место практически во всех отношениях. Всяк ставит, строит, красит, подновляет, растит так, как если бы вокруг его участка не существовало никого и ничего. Иными словами, степень взаимодействия соседей в ландшафтных действиях мала настолько, что возникает впечатление о каком-то атомизированном ландшафте, где просто запрещено оглядываться на действия соседей. И ровно та же нулевая степень согласованности действий, когда нужно соорудить мостки через заболоченное место...

Повторюсь, что все выше сказанное относится к массовому обустройству ландшафта, ибо отдельные редчайшие исключения я не раз наблюдал – но уже то, что они сразу бросались в глаза, лишь подчеркивало общую тенденцию. Интересно также, что, судя по моим личным наблюдениям и информации из разных источников, фрагментаризация сельской

местности – а она набирает силу – имеет одним из аспектов именно вычленение и конструирование таких участков согласованных и осмысленных действий.

Агорафобия в самой большой стране мира

Куда в России ни пойдешь, рано или поздно в КПП попадешь. Т. е., столкнешься с заставой на выезде из города или целым комплексом застав на границе регионов, охраняемыми воротами или калитками, сторожками или сторожевыми будками и т. д. и нет им числа; огромный объем такого рода внутреннего контроля передвижений поражает. Россия – это страна внутренних границ. Смее утверждать, что в российском культурном ландшафте произошла инверсия внешних (ослабевших и частично проницаемых) и внутренних, набравших силу границ.

Если в существовании КПП еще есть некоторый смысл, то в заборах, часто идущих по рвам, насыпям, неудобьям, склонам, болотам, практического смысла нет никакого. Участки в России принято огораживать в меру собственного благосостояния – но всегда и везде (что дачный участок, что кладбищенский...). Характерно, что нередки заборы разных уровней, дублирующие друг друга. Ну, огорожен железобетонной стеной небедный дачный поселок, но ведь и каждый участок этого поселка тоже огорожен хоть какой-то, но отнюдь не символической изгородью с калиткой. А какую функцию выполняет колючая проволока по верху металлического трехметрового забора вокруг «элитного» дачного поселка?

Частное пространство рубежей, границ, заборов и изгородей ничем не отличается от государственной доминанты разгораживания подвластного ему пространства. Государство и граждане здесь едины – им необходимо находиться в физических выраженных, явно отгороженных и огороженных ячейках среды, границы которых и их пересечение строго контролируются и регламентируются; обязательно место контроля проникновения своих и отсекается посторонних. Любопытно, что ведению ландшафтного дизайна, как он сегодня понимается, подлежит именно пространство между стенами дома и забором, а не пространство за забором.

Что же это значит? Страх и враждебность: советско-постсоветский человек желает отгородиться от посторонних, желает отделиться, защититься, укрыться, спрятаться от толпы и взоров. Многометровые сплошные заборы новых коттеджей, полностью изолирующие своих от чужих, недвусмысленно заявляют о том, что их обладатели не желают видеть ничего кругом и равно не хотят, чтобы их видели, – установка на визуальное (только ли визуальное?) исключение себя из социума. Такое обилие мест, где своих выделяют из посторонних, показывает, что для людей ландшафт переполнен посторонними.

Остается постулировать своеобразную агорафобию: видимо, постоянное пребывание в открытом, неразгороженном пространстве создает глубокий дискомфорт, а пребывание в непрерывном, но дифференцированном пространстве было бы просто травматическим опытом. Но как это соотносится с национальным характером русских – осмысленно прошедших, присвоивших и нередко умно освоивших громадные территории, очень разнообразные в природном и культурном отношении? Либо это освоение громадных территорий было совсем иным, нежели принято считать, либо что-то радикально изменилось...

При этом для власти, масс, множества экспертов громадные размеры пространства страны – сверхценная идея, предмет гордости (если уже не странной гордыни), но ведут себя все они так, как будто расстояний (и различий) в пространстве вообще не существует, будто все это лишь разные отдельные точки универсума власти. Приходится сделать неутешительный вывод: культурный ландшафт пребывает во власти пространственно неменяемого общества-государства. Власть же видит не все то, что существует, а только лишь то, что имеет определенный статус, заданный сугубо нормативно и даже всего лишь аппаратно. В сфере пространства для государства существуют лишь такие аспекты и фрагменты, какие служат поводами аппаратной коммуникации. Образ современного пространства России

у политической элиты (как и в средствах массовой информации] географически ничтожен и противоречив, однако устойчив; даже независимая Википедия в своих описаниях тысяч мест России игнорирует ландшафт, как его игнорируют в своем большинстве и сайты мест. Подчеркну, что ландшафт равно отсутствует в сознании верхов и низов, интеллигенции и народа, власти и оппозиции – в этом отрицании ландшафта, отрицании существования самой основы человеческого бытия страна едина...

Непроницаемая страна непознаваема

Страна, которая хочет себя знать, должна позволять себя видеть, позволять перемещаться по ней вдоль и поперек на транспорте и пешком. Культурный ландшафт – пространство свободы перемещения; в сильной идеализации каждое место ландшафта должно быть доступно для передвижения и/или пребывания хотя бы некоторой группе людей. Осмелюсь даже утверждать, что невозможность двигаться в ландшафте по произвольно выбранной траектории означает небытие ландшафта, т. е. несуществование такого пространства, где царят соседские связи мест и соседство осмысленно и непременно к чему-то обязывает.

В начале уже упоминалось, что вследствие структурных особенностей нашего ландшафта по пространству бывшего СССР очень трудно передвигаться, особенно в нестандартном направлении и не в массовом потоке пассажиров. Но дело не только в этих «объективных условиях».

Общее впечатление таково, что люди либо передвигаются по крайней надобности стандартными маршрутами, для чего кое-как сделали дороги, пробили тропы и загатили болота, либо не передвигаются вовсе. Если передвижения в ландшафте ограничиваются сетью утилитарных маршрутов, это может означать только одно: сама по себе местность лишена интереса для осмысленного неутилитарного передвижения, прогулки, путешествия.

Тем не менее существуют еще некоторые индивиды и небольшие группы, для которых свободное передвижение в культурном ландшафте имеет как культурную, так и рекреационную ценность. Тем не менее, они в нем явно посторонние. А трудности для перемещения «посторонних» неуклонно возрастали уже с конца советской эпохи, когда к государственным препонам стали добавляться групповые и фактически частные, и теперь они почти непреодолимы. Постсоветское пространство стало еще менее проницаемым, нежели было плохо проницаемое советское.

Приватизация пространства у нас означает нарушение всех сложившихся норм перемещения, а не только отграничение отдельных непересекаемых участков. Еще не так давно в большой деревне (любом поселении) с несколькими улицами было несколько сквозных проходов, тропинок и даже проездов между дворами; это было общим неукоснительным правилом. Новые же дачно-коттеджные поселки – независимо от уровня благосостояния владельцев – невозможно пройти насквозь, поскольку они целиком огорожены. Их проектировщики, владельцы и собственники вообще не предполагают существование в данном месте кого-либо кроме них самих. Получается, что отдельные социальные группы не просто изолированы – они не ведают о существовании друг друга. Налицо новая социальная и пространственная сегрегация.

В последнее десятилетие нормой стало нарушение тысячелетнего правила бечевника – свободного прохода по берегу реки, озера и любого водоема. Бечевник никогда не застраивался и не перекрывался, и если его земли и относились к конкретному землевладению (например, приречной луг, пляж базы отдыха), то право и физическая возможность прохода всегда сохранялись и охранялись обычным правом. Поэтому немало туристических маршрутов строилось на движении по берегам рек. Теперь же все чаще новое «поместье» захватывает не только берег до уреза воды, но и вводит забор далеко в воду.

Итак, если вы все же преодолели КПП на границе регионов, где на вас не обратили внимания в силу незначительности возможного побора или ограничились небольшой мздой, если вас спозаранку не разбудили в местной гостинице проверить документы (причем без всяких на то оснований), если вы сумели обойти агломерацию дачных поселений или – с определенным риском или малыми жертвами разорванных штанов и легких покусов – пройти ее насквозь, перелезши несколько заборов, залезши в воду, пройдя часть пути бечев-

ником, то значит ли это, что больше трудностей движения по родному ландшафту вас уже не ожидает? Увы. Ваши трудности только начались.

Ведь вы намерены – раз вы путешествуете – двинуться не туда, не так и не тогда, когда и куда движется основная перемещающаяся масса пассажиров. И вот тут вы узнаете, что наше пространство проницаемо только в одних определенных направлениях и совершенно непроницаемо в других. Пространство наше анизотропно, т. е. разные направления имеют разный смысл. Фактически в каждом месте существует очень немного разрешенных направлений движения, а подавляющее большинство направлений движения запрещено. Свобода передвижения всегда и в любой стране ограничена транспортной сетью, но дело в том, что в нашей стране эта сеть очень редкая и притом носит центростремительный характер: легко двигаться только к центру или от центра страны, региона, района, города. Труднее всего двигаться именно туда, куда нужно, а не выстраивать маршрут из фрагментов центростремительных радиальных магистралей.

Познанию страны путешествиями серьезно препятствует отсутствие в современной российской жизни фигуры путешественника как культурного персонажа. Обыватель не понимает, кто такой путешественник, что и зачем он делает, какова польза или вред от его деятельности и т. д., а потому на всякий случай опасается и отгораживается; нередко путешественник – объект ксенофобии и агрессии. Путешественник – чужак еще и тем, что движется по нетривиальным направлениям, неожиданным для местных жителей и совершенно непонятным для них. Однако без сложной совокупности многих маршрутов путешествий картина культурного ландшафта заведомо лишена и полноты, и истинности. Не знаю, как и кто должен внедрить в культуру страны эту фигуру, но без этого страна останется непознанной; без путешествий же России не узнать и не понять. Непознанная же страна неподлинна, поскольку страна – это не просто большое место, а вмняемое пространство.

Постсоветская культура: небытие общества и культурного ландшафта

Подведу итог: реальный культурный ландшафт для большинства жителей страны в лучшем случае неинтересен, т. е. не существует, в худшем – существует умозрительно, да и то в неадекватной, предельно мифологизированной форме, что есть, в сущности, лишь другой вариант небытия. Пожалуй, единственная характеристика воспринимается всеми четко, но не однозначно – моноцентричность и примитивная одноходовая иерархичность нашего ландшафта. И в нем живет человек, который стремится максимально отгородиться от большинства прочих людей, для которого большинство сограждан – посторонние.

Сделаю, наверное, спекулятивный вывод: все то, что известно о нашем культурном ландшафте и что (не)известно о нем жителям, лишний раз подтверждает уже не раз высказанное мнение об отсутствии полноценного общества в России. Можно сколько угодно рассуждать об информационном обществе и пространстве, но даже в более развитых странах оно не отменяет и не заменяет личных контактов, а только дополняет их. Общество – это в том числе и обязательная возможность движения по разным направлениям, даже чисто пространственным. Полноценное общество, как и полноценный культурный ландшафт, предполагает сложность, множественность направлений, измерений и иерархий.

Пространственная невменяемость отдельных лиц из самых разных слоев, социальных и культурных групп и населения в целом в нашей ситуации, наверное, неизбежна, гораздо хуже – пространственная невменяемость элит и «общественного мнения», какое бы неполноценное, почти призрачное существование ни вело бы оно в наше время в нашей стране. Поскольку не хочется поддерживать фантомную жизнь, предпочту говорить здесь о публичном, открытом, «общественном» дискурсе. Фрагментировано и загнано на периферию не только физическое пространство культурного ландшафта России, фрагментировано и загнано на периферию само семантическое пространство образа страны; ландшафт и в культуре не существует ни в каком смысле.

Обыденная жизнь, протекающая в культурном ландшафте как минимум на 95 % пространства страны, остается незапечатленной, безвестной и семиотически не существует. Но странным образом в общественном дискурсе никак не ощущается пустота, неполнота жизненного материала. Такое впечатление, что этот дискурс отражает жизнь одной страны, а мы живем в другой. И дело, по-видимому, отнюдь не в том, что «за пределами Садового кольца» не происходит ничего интересного, а происходящее внутри него очень интересно всем без исключения. И не в том, что «верхи» живут в своих теориях, а «низы» в реальности, и вместе им не сойтись: и наверху есть будни, равно как внизу есть самобытные народные теории происходящего. Какие интереснейшие суждения касательно логики приватизации доводилось слышать в середине 1990-х годов! Удивительно это или нет, но население – особенно городков размером порядка в 100 тысяч жителей и меньше – отчетливо представляло, что «на самом деле» кому принадлежит и как это следует разделить, как именно приватизировать (разумеется, никаких суждений про деление поровну я и не слыхивал).

Так уж сложилось, что в общественный дискурс попадают только «события», а статус события присваивается тем или иным происшествиям весьма избирательно. Логика выбора здесь обсуждать неуместно, важно то, что в этой логике с ландшафтом как таковым ничего не случается и случиться не может. Информация касательно отдельных мест страны вообще социально не актуализирована, не представлена, не востребована, не усвоена, педагогически не адаптирована и т. д. То, что не имеет статуса новости – а свежее значимое событие и есть новость, – вообще никак не попадает в информационные потоки, которые циркулируют по стране и которыми страна себя представляет, познает и сознает.

Таким образом, грандиозные изменения культурного ландшафта в закономерной осмысленной форме никак не представлены для жителей нашей страны и ее элит. Такая гипермоноцентричность не только противоестественна, так как значительно искажает картину мира и собственной страны, но и чрезвычайно опасна – в стране может происходить нечто перспективно опасное, а традиционные информационные каналы его просто не замечают. Например, в сфере ландшафта многие активные, очень важные, неоднозначные процессы уже идут вовсю, охватывая огромные территории, чуть не большую часть страны, но никак не проникают в «общественное сознание». Так, дачно-коттеджный бум разрушает среду обитания вокруг крупнейших городов, изолирует их от природного ландшафта; дичает и превращается в новую внутреннюю периферию сердце страны, а ее население бежит, вымирает, мучается; большая часть территории страны пустеет и деградирует; фактически брошенные без ухода леса чреватые огромными пожарами; целые зоны промышленных моногородов пребывают в социальной катастрофе...

Какова жизнь страны в существующем общественном дискурсе?

«События» происходят в основном в центре, в Москве, поскольку именно там находятся правительственные ведомства. Дело не в том, что реальному событию в Москве легче попасть в масс-медиа – далекие от центра и вымерзающие зимой или горящие летом территории регулярно туда попадают – дело в том, что событием (новостью) является публичное представление текста определенного статуса. Это чистая семиотика! Семиотически значимые структуры находятся в Москве – и они порождают события и новости текстов. Кстати, и значимые тексты иного рода – не новостные, но претендующие быть зеркалом жизни – также генерируются в Москве. Это пресловутые «опросы общественного мнения». У всех этих информационных представлений есть одна общая особенность – они не мыслят страну как систематически дифференцированную, со сложным балансом сходств и различий отдельных мест; для них страна либо мало, либо чрезвычайно просто дифференцирована, либо, в сущности, просто большая точка.

Тем не менее различные места – увы, пока немногие – начинают все более осознавать себя, свою специфику, наделять значимостью культурный ландшафт своего места и знание о нем. Выражается это в оживлении краеведения и буме краеведческих музеев в стране, число которых быстро растет, а экспозиции быстро перестраиваются, преодолевая советский стандарт (примечательна музеефикация уже советской эпохи), заметен и рост самосознания мест – все более важной становится именно местная идентичность (еще недавно за порогом квартиры сразу начинался Советский Союз – и ничего значимого «между» для людей не было). Но вот тут общество подстерегает проблема. Краеведение – широкое и открытое к местному материалу – по определению и смыслу замкнуто определенной территорией, хотя бы и большой. А иные места и сравнения с ней – вот тут интерес краеведения резко угасает, доходя до связей своих мест, скажем со столицами, но никак не проводя систематических сравнений с иными, особенно несоседними и далекими местам, и не выстраивая обобщений. Места удивительно мало интересуются друг другом; к сожалению, это утверждение верно не только для простых жителей... И это не случайно.

Советское имперское пространство как ментальная структура оказалось куда прочнее, нежели структура ландшафтно-вещественная. Тщательно спроектированная конструкция советского пространства, воплощенная и оестественная, делала существенными только иерархические, вертикальные связи мест с местами более высокими по рангу и статусу. Эта система уже начала преодолеваться, инвертироваться и размываться, хотя горизонтальные связи мест-соседей, связи, задающие стране ее какую-никакую целостность, все-таки еще слабы, а отсутствие этой реальности в новостных потоках еще более замедляют это развитие.

Реальная страна скрепляется горизонтальными, территориальными, соседскими связями, но в политико-событийной реальности по-прежнему доминируют связи вертикальные: все обсуждаемые политические, масс-медийные и когнитивные образы страны – все же образы страны, они утрируют одно очевидное направление (измерение) политического и жизненного пространства – вертикально-иерархическое, и игнорируют дополнительное, т. е. горизонтально-ландшафтное. В этой доминирующей парадигме места никак не соотносятся – не сравниваются и не различаются, в этой парадигме страна как целое (взаимосвязанные места) просто не может существовать. Как ни грустно, современная Россия предстает бессвязным, а потому бессмысленным множеством случайно попавших в новости мест.

Тут мне возразят, что какое-никакое единство: бытовое, транспортное, экономическое, просто человеческое – налицо; музыкальная, театральная, спортивная, еще всякая специ-

альная жизнь устроена вполне полицентрично и в этом смысле можно говорить о «России рок-музыки» или «России авангардного театра», но такие системы, хоть и пронизывают всю страну, слишком специфичны и малочисленны, чтобы «сшивать» пространство, тем более такое пространство. Страну связывает и бизнес, но то связи в ином, узком и особом отношении. В целом же пространство страны остается удивительно бессвязным, фрагментарным, неменяемым...

Что же делать?

У страны нет способа себя реально знать. У страны реально нет способа коммуницировать о себе. Ландшафт страны не живет полноценной жизнью, не служит предметом осмысленных действий. Ландшафт страны – ее величайшая реальная, но совершенно неосознанная проблема. Эта проблема сложная, многогранная, тяжелейшая. И уже потому не имеет очевидного решения. Но без ее решения полноценное существование страны просто невозможно – нельзя осмысленно (богато, уютно, правильно, эффективно) жить в неполноценном ландшафте. Что уж говорить о прорывах, модернизации, справедливом обществе...

Равно необходимы и дополняют друг друга два труднейших пути витализации ландшафта. Во-первых, должно быть преодолено такое видение страны, которое игнорирует сплошность и разнообразие культурного ландшафта и специфику его мест. Тогда есть надежда, что изменится и соответствующая политика, стратегия, ландшафтные практики. Огромная ответственность лежит на интеллектуальной и культурной элите страны, пока москвоцентричной. Во-вторых, следует всячески поддерживать уже спонтанно идущее неторопливое, пусть и непоследовательное, во многом странное саморазвитие мест, которое рано или поздно приведет к формированию многоаспектных горизонтальных сетей, т. е. к реальному собиранию и объединению страны. Когда-нибудь культурный ландшафт страны осознает себя и заговорит. Но ему потребуются очень сложный разветвленный богатый язык, так что одним упованием на спонтанные процессы никак не обойтись. Удастся ли это – Бог весть...

Москва, Западная Россия, Северо-Западная Евразия

Об авторе

Владимир Каганский – географ, автор книги «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» (2001).

О «Стрелке»

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – международный образовательный проект, созданный в 2009 году. Помимо постдипломной образовательной программы с преподавателями мирового уровня «Стрелка» организует публичные лекции, семинары и воркшопы, консультирует в области городского развития и издает лучшие книги по урбанистике, дизайну и архитектуре.